

Среди тех немногих, кто видел черновую копию нового фильма Алексея Германа "Хрусталев, машину!", бродит слух, что фильм гениальный. Взгляд на судьбу человека в тоталитарном обществе, по силе и пронзительности намного превосходящий все сделанное в постсоветском кино. Герман для российского, да и для мирового экрана — режиссер удивительный. За много лет работы в кино он сделал только три полнометражные картины, но этого ему вполне хватило, чтобы превратиться в бесспорного классика. Поэтому в гениальность его четвертой картины вполне можно поверить заочно. Однако хорошо бы, чтобы фильм все же появился, так сказать, в обитаемой природе. А "Хрусталева" все держат и держат в ленинфильмовской монтажной. Будто не может Герман, режиссер "Проверки на дорогах" и "Лапшина", много лет пролежавших на "полке", просто взять и нормально, без тягостных пауз, показать снятый фильм людям.

— Алексей Георгиевич, это у вас что, в привычку вошло уже — "хоронить" сделанный фильм?

— Да не хоронил я его. Фильм мы сняли, показали в Госкино, а наш французский продюсер, кроме того, демонстрировал картину в редакции газеты "Либерасьон", чтобы подтвер-

А ГЕРМАНА ВСЕ НЕТ

"Вы слышали, что Гусинский покупает "Ленфильм"?"

дить: "Хрусталев" действительно существует. А потом мы натолкнулись на всякие производственные вещи, которые в прежние времена никакой сложности не представляли, а теперь стали представлять. Одно техническое озвучение чего стоит. Когда шли съемки, я гордился, что удастся вытащить актеров из Сибири, с Кавказа. А теперь снова вызывать их на озвучку — это огромные деньги и потеря времени. А озвучивать чужими голосами как-то нехорошо. Ну вот и получается, что работу мы начали в 92-м, а полностью готов фильм будет в лучшем случае к новому, 98-му.

— То есть тогда пройдет официальная премьера?

— Ой, да я, честно говоря, не очень понимаю, что такое официальная премьера. У меня их не было никогда. Чтобы там Дом кино, цветочки и все прочие "дежурные" вещи. А потом, я очень боюсь своего фильма. Кто его "сырой" вариант видел — все вроде бы хвалят. А я сам ни разу не посмотрел картину целиком. Только отдельные части смотрел. Клянусь! Мне страшно...

— Вы ведь насовсем перебираетесь из Питера в Москву?

— Да. Квартиру поменял, а там только мансардочка такая осталась,

где я буду обитать, пока доделывается "Хрусталев". А потом сюда, навсегда уже.

— Вам в Питере надоело? Или тамшние власти "достали"? Говорят, вы с ними в натянутых отношениях.

— Ленинградские власти меня никогда не любили. И нынешнему губернатору Яковлеву не за что меня

обождать. Я не скрывал и не скрываю, что летом 96-го голосовал не за него, а за Собчака. А тот мне, еще будучи у власти, давал кредит на производство "Хрусталева". Французы не несут лишь часть расходов на мою картину. И вот как только пришел Яковлев, кредит у меня отобрали: просрочил, мол, — и до свидания. Доводов о том, что неплохо бы как-нибудь дать мне закончить фильм, даже не слушали. Но из-за таких трений я бы город не бросил. Питер — очень красивое место. Хотя и безумно запущенное. Идея, что он опять сможет стать культурным центром России, — это, в сущности, бред. Но и это не главная причина моего отъезда. Просто вот что получилось: отец мой умер уже давно, потом умерла мама, потом сын уехал сюда, в Москву, учиться, жена и мой постоянный соавтор Светлана Кармалита давно уже жила в основном здесь. И однажды я вдруг понял, что в огромной писательской квартире отца на Марсовом поле я обитаю все время в одной комнате, а в другие чуть ли уже не полгода не заходил. И стало ясно: так нельзя больше.

— На какой фестиваль думаете повезти "Хрусталева"?

— Не знаю пока. В том году нас

заранее звали в Канны, но мы, естественно, не успели. Да и вообще вопрос, большой ли смысл имеет ехать. Сейчас на Западе наблюдается заметная потеря интереса к России, к нашему искусству. Отчасти в этом виноваты мы сами, художники. Слишком уж "планку" опустили.

— Но ведь сейчас все дружно уверяют, что снова поднимается наше кино. Вы что, в это не верите?

— Ну почему же? Как раз вполне верю. Одна важная вещь действительно произошла: те, кто держит в руках деньги и хочет управлять страной, наконец вспомнили, какую мощную идеологическую функцию способно выполнять кино. Ведь даже немецкие фашисты перед тем, как бросать своих солдат на карательные операции, крутили им фильмы. И наши "денежные мешки" теперь начинают вкладывать деньги в кино. Мне, например, не нравится телевидение Гусинского. Но я понимаю, какими мотивами он руководствуется, когда хочет купить "Ленфильм"...

— ???

— Да-да, у меня есть сведения, что он собирается это сделать. На "Мосфильме" у него пока что вышла какая-то заминка, а в Питере наверняка получится. Он и многие другие люди его калибра понимают, что российскому человеку надоело смотреть, как дерется Чак Норрис, и хочется видеть, как дерется Вася Иванов. И значит, Вася будет драться, потому что это принесет большие дивиденды — материальные, и не только.